

**МОРСКОЙ
СПЕЦНАЗ**

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

**ПИРАТЫ
КОРАБЛЬ ЛЮДОЕДОВ**

Пираты

Сергей Зверев

Курс на дно

«Научная книга»

2010

Зверев С. И.

Курс на дно / С. И. Зверев — «Научная книга»,
2010 — (Пираты)

ISBN 978-5-699-42548-8

Группа бойцов российского морского спецназа, базирующаяся на Кубе, везет заключенных на удаленный остров - там располагается одна из кубинских тюрем. По дороге судно атакуют пираты. В результате короткого, но жаркого боя катер взрывается, но бойцам удается уйти. Тут они выясняют, что пропал без вести их боевой друг, старший лейтенант Дмитрий Голицын по прозвищу Поручик. Оказывается, Поручика подобрала напавшие на катер пираты. Познакомившись с ними ближе, Голицын понимает, что таких странных пиратов он еще никогда не видел...

ISBN 978-5-699-42548-8

© Зверев С. И., 2010
© Научная книга, 2010

Содержание

1	5
2	8
3	12
4	14
5	17
6	20
7	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Сергей Зверев

Курс на дно

1

Индонезия. Остров Суматра

Джунгли выглядят примерно одинаково в любой точке мира, расположенной неподалеку от экватора, будь то дебри в районе Амазонки, ядовито-зеленые заросли Вьетнама или всем известные по книгам Киплинга таинственные чащи Индии. Везде много самой разнообразной зелени, перевитой лианами, экзотических цветов, зверья, птиц, змей, пауков и прочей гадости, коей несть числа. Везде очень жарко, сыро и душно... Вот только воспоминания о «великолепии диких джунглей» у каждого остаются свои, особые: восторженный турист, прошедший пару недель где-нибудь в Малайзии, вспомнит недурной отель с кондиционером, катание на слоне, море, пляжи и прочую дребедень, а джунгли, которые, скорее всего, увидит лишь из окна комфортабельного автобуса, назовет «зеленым раем»; а вот какой-нибудь бывший «зеленый берет» из американской глубинки, прошедший более чем серьезную подготовку в Форт-Брэгге и сполна изведавший все прелести вьетнамских болот, кишаших змеями и вьетконговцами, наверняка вспомнит джунгли с отвращением и обзовет эти «поганые мокрые заросли» «зеленым адом»...

Создавая нашу Землю, Всевышний, видимо, опасаясь, что материалов может не хватить, кое-где экономил, и таким образом получились тундра, степи-саванны-прерии, огромные пустыни и безжизненные нагромождения холодных гор. Потом, похоже, всего осталось слишком много, и все это досталось тропикам: невероятно богатый растительный и животный мир, много солнца, много ливневых дождей. Кроме массы вещей интересных и полезных, жарким тропикам таинственным образом досталась и способность рождать множество мерзких и страшных болезней вроде бубонной чумы, холеры и почти безобидной на их фоне малярии. Где-то в глубине душных болот зарождались и до сих пор зарождаются смертельные вирусы, распространяются, мутируют и, невидимые, несут людям болезни и смерть... По неведомой причине родиной многих известных недугов вроде того же «птичьего гриппа» как раз и стали районы Юго-Восточной Азии: Южный Китай, Мьянма, Малайзия с Индонезией и им подобные теплые страны. Именно поэтому и Международная научная экспедиция, направленная известной организацией с названием, включающим слова «Красный Крест и Красный Полумесяц», для изучения уже известных и новых вирусов, расположилась на восточном побережье острова Суматра – почти на линии экватора и примерно напротив отделенного Малаккским проливом знаменитого города-порта-государства Сингапур...

...Обильный ливень прекратился так же внезапно, как и начался, и все вокруг засверкало-заискрилось еще более яркими красками; вновь ошалело закричали-запищали на все голоса птицы в недалеких зарослях, примолкшие было на время дождя, стеной обрушившегося на побережье и на крохотный поселок экспедиции, состоявший из нескольких сборных домиков, в самом большом из них, отмеченном мачтой с лениво шевелившимся флагом с изображением красного креста и полумесяца, расположилась лаборатория.

– Эдуард Викторович, а у вас в школе прозвище какое-нибудь было?

Темноволосая девушка лет двадцати пяти, очень приятной внешности, в которой легко угадывалось присутствие восточной крови, с интересом взглянула на начальника экспедиции – естественно, «ученого с именем», доктора медицинских наук и своего непосредственного

шефа, колдовавшего над электронным микроскопом. Шеф, Эдуард Ракитин, ничуть не напоминал растиражированный образ полусумасшедшего профессора с всклокоченной шевелюрой, бегающего около школьной доски с мелком в руках и бормочущего что-нибудь вроде архимедовского «Эврика!». Напротив, доктор наук был высок, поджар, широк в плечах и довольно недурен собой. Единственное, что при желании можно было найти общего с киношным профессором, – это пышная светло-русая шевелюра, но у Ракитина она была чисто вымытой и ухоженной. Дополняли образ почти голливудского супермена холодноватые и порой иронически-насмешливые серые глаза, умевшие быть и злыми, и жесткими.

– Что? А, прозвище... – Доктор на секунду отвлекся от окуляров микроскопа и, что-то торопливо черкнув в блокноте, повернулся к обаятельной девушке-ассистенту и добродушно улыбнулся. – Да вроде бы нет, не было. То Эдиком пацаны называли, то просто Ракитиным, в старших классах и в институте – Эд, док... Вообще-то, в детстве я свое имя ненавидел! Папаша с мамой в честь Эдуарда Хиля называли – был в те годы страшно популярный певец... Да, собственно, почему был – он, слава богу, и сейчас жив-здоров! А может быть, папка имел в виду Стрельцова – тоже известный был парень, футболист...

– Так ненавидели-то за что? Нормальное имя – как у английских королей...

– За что? – вновь улыбнулся Ракитин. – А за то, что бабушка по вечерам кричала на весь двор: «Едик! Домой!!» Все люди как люди, а я – Едик! Хуже собачьей клички... Король Едик VI! Ты мне лучше вот объясни, почему ты Таня, а не Саида, Лейла или Гюльчатая какая-нибудь? У тебя ведь отец – узбек, так?

– Зато мама – русская, – лукаво улыбнулась Татьяна, – а от смешанных браков, между прочим, получаются самые красивые дети. И кроме того, мама преподавала в школе русскую литературу, а как же еще могла назвать свою дочь почитательница Пушкина? Все та же самая «милая Татьяна»...

– Кстати, барышня, а что милая Татьяна изволят делать сегодня вечером, а? Принимаете сегодня? Как вы отнесетесь к визиту некоего вольнодумца-соседа, что «сумасброд и пьет одно стаканом красное вино»?

– Ну, до вечера еще далеко... Барышня подумает. – Татьяна неопределенно пошевелила ухоженными пальчиками с коротко, по-медицински, стриженными ноготками и устало добавила: – Мы, товарищ начальник, между прочим, еще и не обедали...

– Что там у них сегодня? А впрочем, что я спрашиваю... Суп куриный «сотей аям», курица карри, салат типа местный силос... тьфу! – Эдуард Викторович сжал кулаки, со вкусом потянулся и мечтательно произнес: – Ох, Танечка, а как же хочется жареной картошечки с лучком и хрустящей корочкой, да с огурчиком маринованным, да под соточку-другую ледяной водочки! А потом выйти на балкон покурить, а там – морозец, звезды и снежок тихо-тихо падает...

– До «снежка» нам еще далеко... – погрустнела девушка. – Так что там у вас? Не виден ли на электронном горизонте неведомый грозный враг человечества?

– А знаете ли, сударыня, вы напрасно иронизируете! – Ракитин посерьезнел и жестом пригласил девушку взглянуть сначала в окуляры микроскопа, потом продемонстрировал какие-то таблицы с результатами экспериментов на мониторе ноутбука. – Видите? Похоже, у этой твари невероятно короткий инкубационный период, и при благоприятных условиях...

– Мы будем иметь новый вирус похлеще любого свиного гриппа, как сказали бы в Одессе?

– Мы, милостивая государыня, – понизив голос, торжественно заявил доктор, – уже его имеем! Смотри!

Ракитин подошел к лабораторному холодильному шкафу, открыл дверцу и осторожно извлек три самые обычные пробирки, тщательно закрытые притертыми пробками.

– Вот! И как вы думаете, несравненная Звезда Востока, что это?

– Так ты уже...

– Да-с, сударыня! Это чистый штамм... Так что до прохладных российских снегов не так уж и далеко! Мы доведем исследования этой заразы до конца, потом будет вакцина, а потом... На нобелевку, пожалуй, рассчитывать рановато, но... Ты «Укротительницу тигров» с Касаткиной смотрела? Так вот. – Ракитин подбоченился, придал лицу напыщенно-глуповатое выражение и голосом, очень похожим на филипповский, объявил: – «Казимир Алма-азов – это имя! Это – афиша, это – касса!» Так что мы, Танечка, уже вошли в клетку с тиграми, почти всех укротили, и скоро наши гастроли в этих райских местах закончатся! И слава богу! Провались он, этот рай! Домой хочу...

Ракитин аккуратно поставил пробирки в углубления лабораторной подставки, несколько секунд, склонив голову, полюбовался на результаты своей работы и, хрустнув пачкой, закурил длинную сигарету.

– Эдуард Викторович, – притворно ужаснулась Татьяна, – в лаборатории! Как можно-с?! Вон наше будущее светило науки бежит – сейчас вам попадет за вопиющее нарушение чистоты эксперимента!

Ракитин мельком глянул в окно: к домику важной походкой приближался смуглый мальчонка лет двенадцати – Али, сын местного фельдшера, старательно исполнявший при лаборатории обязанности младшего лаборанта. Али мастерски мыл пробирки, делал каждодневную уборку и кормил томившихся в клетках подопытных крыс, мышей и кроликов какой-то местной породы. Мальчонка знал около сотни английских, десятка два немецких слов, мог выговорить «спасибо», «здравствуйте» и «пожалуйста» по-русски и лопотал еще на парочке местных наречий, так что вполне мог претендовать на звание полиглота. Кроме почти взрослой солидности и старательности, Али имел еще и заветную мечту: выучиться в университете, стать эпидемиологом и уничтожить все виды и разновидности тропических болезней, ежегодно уносивших в местных краях не одну и не две жизни. Правда, мечта могла и не осуществиться, поскольку семья фельдшера отнюдь не купалась в деньгах. Причина столь скромного достатка была очень простой: согласно статистике на каждого индонезийца приходилась часть «всеобщего валового продукта» величиной немногим больше двух тысяч американских долларов – почти в семь раз меньше, чем у соседей из Малайзии...

– Точно, попадет, – ухмыльнулся доктор, но сигарету прятать не спешил.

Али возник на пороге, широко улыбнулся, поздоровался и тут же недоуменно нахмурился, заметив в руках профессора дымившуюся сигарету. Белый доктор, конечно, почти бог, но и богам, по мнению Али, в медицинской лаборатории наглеть не стоило бы...

– Мой юный коллега, не нужно ворчать! – улыбнулся Ракитин и пояснил: – Сейчас кондиционер все быстренько вытянет. А между прочим, господа, есть любопытный почти медицинский факт: в комнате, где курят, очень хорошо растут цветы, так-то! Как дела, Парацельс?

– Хорошо дела! Вам обедать пора, а мне надо кормить зверьков и убраться...

– Слушаюсь, сэр! – Доктор по-американски отдал честь и неспешно вернул свои пробирки в холодильник. – Трудись, мой друг, а мы – на обед. Труд создал из обезьяны... А кстати, кто и когда видел, как обезьяна трудится – сено косит, например, а? Что-то тут наука явно намудрила... Да, к холодильнику и к ноутбуку не прикасаться, ферштейн-андерстенд?

– Йес, сэр! Есть не прикасаться! – Али тоже козырнул в ответ, но вполне серьезно. – Али знает порядок и никогда не нарушает его...

Татьяна была уверена, что мальчишке страшно хотелось добавить: «В отличие от некоторых профессоров», но уважение к белым и воспитание заставили Али промолчать. Да и работой, за которую по местным меркам неплохо платили, мальчишка очень дорожил...

2

Есть известное выражение о том, что человек никогда не устает любоваться женщиной, огнем и водой. Иногда в перечень произвольно вносят играющего ребенка, бегущую лошадь и другие не менее прекрасные и завораживающие взгляд вещи. Сюда же, пожалуй, можно присоединить корабли... Нет, конечно, не аляповатые сухогрузы и танкеры с облезлыми бортами и грязно-рыжими потеками ржавчины, не портовые тудяги буксиры, а настоящие корабли: легкие стремительные парусники с воздушными крыльями белоснежных парусов и хищно-изящные, мощно разрезающие высокими форштевнями морские и океанские волны военные эсминцы, крейсеры и прочие пенители морей. Есть в них особая суровая красота, вызывающая уважение, гордость за родной флот, порой почти детский восторг, а иногда и легкое тайное недоумение, вызываемое полным забвением уроков школьной физики: «Такая железяка! Интересно, а чего это он не тонет?! Топор-то вон...»

...Эсминец, разавший голубые воды Южно-Китайского моря, был красив, поблескивал новенькой серой окраской и всем, чему положено сверкать на военном корабле, нес на флагштоке флаг российских ВМС и производил впечатление грозной военно-морской единицы, хотя таковой являлся не вполне: корабль пока был лишен всяческого бортового, положенного по штату, вооружения. Эсминец был недавно построен российскими военными кораблями на верфях Владивостока по заказу дружественной Индии и сейчас следовал курсом на уже недалекий Сингапур и далее через Малаккский пролив в океан Индийский, до порта назначения с красивым названием Калькутта, где новенький боевой корабль следовало передать индийским ВМС. Именно поэтому на бортах эсминца вместо названия красовался всего лишь простой бортовой номер, экипаж был кадрированным, то бишь включал лишь необходимое для управления корабельными системами и механизмами количество офицеров и матросов. А поскольку тяжелого вооружения на эсминце не было, а в море порой случается всякое, экипажу был придан взвод морской пехоты под командованием сумрачно-немногословного старшего лейтенанта Кравцова, мужика жилистого и, судя по длинному шраму на левой щеке, кое-что на этом свете повидавшему. А если брать в расчет, что отряды спецназа морской пехоты отметились и в чеченских войнах, и много где еще, то старлей, вполне возможно, краешком глаза что-то успел увидеть и на том...

В жизни любого солдата-срочника, кроме занятий, учений и несения всех видов службы, есть вещи и приятные, вроде получения писем, увольнений и отпусков. В этот небогатый перечень можно внести и короткие минуты, когда солдат может слегка расслабиться: перекурить с друзьями в уютной беседке-курилке, написать письмо своей девушке или родителям, подкачать мышцы на снарядах спортгородка – минуты, которые в армиях всего мира именуют личным временем. Причем количество этих самых минут частенько напрямую зависит от срока службы: молодому солдатику, носящему множество титулов вроде «салабона», обычно расслабляться почти не приходится, а вот у бойца, срок службы которого перевалил за полтора года и на его горизонте уже вполне явственно вырисовывается желанный дембель, почти вся служба превращается в личное время. И большинство старослужащих, тоже по армейским обычаям имеющих несколько почетных титулов наподобие «деда», большую часть своего честно заслуженного досуга заполняют заботами о красотах дембельской парадки и дембельского альбома, а наименее ленивые усиленно качаются, старательно наращивая бицепсы-трицепсы и грудные мышцы, словно заранее предчувствуют, что на гражданке время для какого-либо спорта у них вряд ли найдется и накопленный в армии багаж придется как-то растягивать на долгие годы «мирной» жизни...

Чем может заниматься в свободное время российский солдат, волей командиров и причудливой судьбы занесенный в жаркие тропики в паре шагов от экватора, о котором раньше

он, сидя на скучноватом уроке географии в своей надоевшей школе и разглядывая за окнами еще более скучные грязновато-белые сугробы, не мог и мечтать? Правильно, солдат найдет укромное местечко, уляжется на кусок брезента и подставит свои северные бледности горячему щедрому солнцу тропиков!

– М-да, пилю-пилю, а оно все еще не золотое... – Светловолосый паренек скептически осмотрел свои бока, грудь и руки и чуть завистливым взглядом покосился на возлежавшего чуть поодаль товарища. – Ты, Никонов, уже как цыган или индус, а я все еще как рак – только краснею как свинья-альбинос, а нормального загара нет как нет! Тебе хорошо, ты от природы смугловатый, а я... Вроде и не рыжий, а загораю плохо...

– А может, ты финн какой. – Сержант Никонов довольно потянулся и заложил крепкие смуглые руки с могучими бицепсами под голову. На правом плече темно-синими линиями ветвилась затейливая татуировка с двумя аббревиатурами, означавшими Тихоокеанский флот и Особые морские разведотряды. – У меня на гражданке подруга одна была: вроде тебя, загар ее не брал. Так по ее коже, бывало, чуть посильнее пальцем проведешь – сразу полоса красная... А так вообще была девка нормальная... В общем, во всех местах все путем...

– А почему была? Умерла, что ли? – недоуменно приподнял голову светловолосый.

– С какого это перепугу? – иронично хмыкнул Никонов. – Жива-здоровая, насколько я знаю. Да просто замуж она вышла, кажись, даже пацаненка родила... Ну, в общем, обычная история: любила, плакала, ждать обещала. А два года – это все же срок... Так что поплакала – да и успокоилась! Да не, я не в обиде, чего там... Ну, подвернулся мужик нормальный, с квартирой, с бабками, позвал – она и пошла. Да, наверное, и правильно сделала. С меня, детдомовского, что взять-то? Ну, приду я, положим, из армии, так пока поднимусь, пока то да се... Да нормально все! Сначала, правда, обида жгла, а потом мозгой прикинул – оно и к лучшему! Свободен, никому ничего не должен... Да и на гражданку не сильно-то и тянет – кому я там нужен? Я, может, на контракт останусь... А че? С таким мужиком, как наш Кравцов, служить можно... Слушай, Серега, ну со мной понятно все, а вот как ты в армии оказался? Предки вроде нормальные, че, папаша отмазать не мог, что ли?

– Да мог, наверное... – Сергей на минуту задумался и чуть смущенно продолжил: – Вообще-то, я сам... Просто отец все время повторял, что мужик должен решения принимать сам, что за чьи-либо спины прятаться стыдно и все такое... Я после школы в институт поступил, сам, без всякого блата и взяток, учеба пошла – вроде все нормально. А потом присмотрелся и понял, что поступить-то можно, а вот потом... За все плати! А откуда у отца с матерью деньги возьмутся, чтобы все пять лет меня тянуть?! Мама – учительница, батя – простой инженер, как Райкин говаривал... В общем, когда одна сволочь там в открытую начала намекать, что просто так я экзамен по его предмету не сдам, я просто послал его и ушел! Да и не один он там был такой... В общем, все за бабки! А раз из института ушел, то тут же в ящике почтовом и повесточку обнаружил. «Дорогой товарищ Лагодич, а не желаете ли Родине долг отдать?» Хотя я у Родины еще ничего, вообще-то, и не брал... Конечно, страшновато было: дедовщина, унижения, горячие точки – сам понимаешь. Но, как говорит батя, «мужик должен», и я подумал, что я ничем не лучше остальных, отслужу, а там видно будет! Думаешь, я дурак, да?

– Ну че сразу дурак... Нормально, – лениво пожал плечами сержант. – Просто тебе повезло как не знаю кому... Вот смотри, загибай пальцы, салабон! В спецназ морской пехоты попал – это раз! Круто? Круто. Земляка Митьку Никонова здесь встретил – два! Тоже, брат, не последнее дело... К Кравцову во взвод попал – три! Я сам еще тогда салабоном был, когда он к нам в роту пришел. Построил взвод, мрачно так посмотрел на нас, «молодых», на «дедов», да и говорит: «С этой минуты во взводе будет только один дед – старший лейтенант Кравцов! Если хотя бы краем уха про дедовщину и прочую хрень услышу – виновным сначала башку оторву, а потом... Про потом лучше вам, сынки, и не знать!» И уж не знаю как, но слово свое старлей сдержал! Да за такого командира... такого мужика и от пули закрыть собой можно,

точно тебе говорю! И четвертое: мы с тобой, два простых лоха из Светлогорска, сейчас загораем на халяву на самом экваторе, когда другие пацаны плац топчут да по полосе препятствий как лошади потные носятся! И это, брат, тоже везуха, это тоже круто! Да еще и в этой... как ее... в Калькутте, в настоящей Индии побываем!

– Да уж, настоящее «хождение за три моря» получается, как у Афанасия Никитина... До Калькутты еще дойти надо, – с сомнением покачал головой Лагодич. – Сейчас Сингапур будет, а потом Малаккский пролив – между прочим, самое пиратское местечко в этих краях! Я читал, что этот пролив – главный морской путь, соединяющий Тихий океан с Индийским, в Индонезию, Индию, Китай, да еще и для Южной Кореи с Японией через него грузы идут. Это, считай, то же, что Суэцкий и Панамский каналы. А пролив, между прочим, в самом узком месте всего два с половиной километра! И пираты – всякий сброд, но преимущественно малайзийцы – шустрят в этих водах испокон веков, можно сказать... Они тут до того местные власти довели, что те военное патрулирование пролива организовали!

– Да нам-то, думаю, по барабану! Они ж, наверное, не совсем бараны, чтобы на военный эсминец кидаться! Им, наверное, что-нибудь «торговое» подавай... – Никонов пренебрежительно фыркнул и потянулся за формой, лежавшей рядышком на брезенте. Для «индийского» похода старшина их разведроты неисповедимыми путями, известными только умудренным большим опытом и жизненной сметкой прапорщикам, добыл песочного цвета легчайший «тропический» камуфляж, подозрительно напоминавший натовский, но обозначенный, где положено, знаками различия российской морской пехоты и украшенный шевроном ОМРО на рукаве: скрещенные голубые молнии на фоне якорной мины. Надпись расшифровывалась просто: «Особый морской разведывательный отряд». В просторечии еще короче: спецназ. В итоге от стандартной формы у ребят остались только черный форменный берет и тельняшка, которые ни один морпех не поменяет даже на офицерскую фуражку какого-нибудь майора медицинской службы...

Сержант быстренько облачился в светлую удобную форму и, затягивая шнуровку высоких ботинок, уверенно подытожил:

– А если этим работникам ножа и топора все же что-то нехорошее в голову ударит и они на наш эсминец полезут... Ну, пусть рискнут здоровьем! Пушек у нас, конечно, нет, но все-таки «калашниковы» половчее детских рогаток будут! Так что, если что... Мы этим смуглым ребятам на раз объясним, что между русской морской пехотой и простыми мужичками, замученными работягами с сухогруза-торгаша, ну очень большая разница! Давай одевайся шустрой – через полчаса на ужин построение, а потом и в караул... Через день – на ремень! Вообще-то, мне вся эта экзотика уже поперек горла! Ну хоть бы чуток попрохладнее в этих тропиках было... Хоть и по полосе разведчика не носимся, а все равно вечно мокрый, как в сауне...

Через пару минут «друзья-однополчане» уже дробно сыпали высокими ботинками по гулким металлическим ступеням высокого трапа, спускавшегося на нижнюю палубу, где уже кучковались, покуривая и готовясь к построению, ребята из их взвода.

В эти же самые минуты в офицерской кают-компании старший лейтенант Кравцов обсуждал с командиром эсминца, капитаном второго ранга Меркуловым, задачи и особые подробности дальнейшей службы своих подчиненных.

– Так, старлей, заходим в Сингапур, становимся на рейде и берем лоцмана – мой штурман, конечно, парень опытный, но в проливе среди всех этих островков сам черт ногу сломит! Да и движение там, как в Москве в какой-нибудь час пик. – Капитан небрежно бросил на карту глухо стукнувший циркуль. – Ну а у твоих морпехов задача одна: бдить в оба глаза, нести службу согласно караульному уставу, а в случае чего действовать согласно обстановке и вводным! Даст бог, на эсминец никто кинуться не посмеет, но, как говорится, на бога надейся, а сам не плошай! Не сплошают твои орлы, старлей, если что?

– Не сплошают, товарищ капитан второго ранга! – Кравцов прикинул расстояние по карте: получалось, что «не плошать» его ребятам придется не один день, поскольку пролив тянулся ох и долгонько! Но служба есть служба, а уж в своих бойцах старлей был уверен на все сто – множество часов, проведенных на стрельбище и в спортгородке, затраченных на маршброски и на занятия по рукопашному бою, не прошли для морпехов впустую...

...Чистенький, шумно-деловой Сингапур остался позади, трудяга-катерок лоцманской службы, обвешанный по округлым бортам старыми автомобильными покрышками, проводил пока еще русский эсминец через путаницу рассыпанных в проливе бесчисленных островов и островков, и корабль неторопливо взял курс на северо-запад...

3

Даже самые талантливые ученые – это прежде всего почти обычные люди, и им так же, как и самым простым грешным, порой хочется есть, спать, немножко отдохнуть за стопкой виски, покуривая в каком-нибудь уютном уголке простую сигаретку из хорошего табака, выращенного где-нибудь в славной Вирджинии... Именно по этой причине в небольшом «научном городке», в котором, кроме уже известных нам русского профессора и его милой ассистентки, работали еще десятка полтора специалистов из разных стран, имелись, кроме лабораторий, и спальные домики, и некое подобие клуба-бара, по совместительству взявшего на себя и роли конференц-зала и пресс-центра, и хозяйственные службы, и, конечно же, кухня с самым современным оборудованием. На кухне трудились вольнонаемные повара из местных, и, хотя они и старались как-то учитывать разнообразные вкусы «разных народов», меню в большинстве случаев все же представляло собой набор из десятка местных блюд, основной составляющей которых являлся, конечно же, рис – во всех мыслимых и немыслимых видах и сочетаниях. А поскольку среди жителей поселка были ученые и врачи из недалекой Индии, из Японии, а сборную Европы представляли немцы, поляки и даже один швед, то нетрудно догадаться, что некоторым «поселянам» и рис, и прочие местные карри и салаты из бамбука давно стояли поперек горла. Особенно почему-то негодовал и грустил здоровенный швед с пышной бородой, при взгляде на которого мгновенно вспоминались давние славные времена, когда грубоватые викинги с большими топорами в руках наводили ужас на всю Европу и прочие места, куда могли добраться их длинные ладьи с драконьими головами. Олаф Густавсон тосковал по настоящему горькому пиву и по настоящей малосолевой рыбке из прохладных северных морей...

Научный поселок расположился на берегу одного из рукавов дельты довольно крупной местной реки, соответственно имел небольшой, сколоченный из крепких досок причал на сваях, у которого покачивался на мелкой ленивой волне приличных размеров белоснежный катер с эмблемами и флажками, выдававшими его принадлежность к славной организации Красного Креста и Красного Полумесяца.

Рядом с солидным суденышком научной экспедиции на этот раз у причала покачивалась обычная деревянная лодка с дряхленьким моторчиком, принадлежащая одному из местных рыбаков, снабжавшему жителей поселка свежей рыбой. Видимо, рыбак уже сдал свой улов на кухню и теперь о чем-то негромко беседовал с немцем, отвечавшим в научном центре за связь, компьютеры и прочие электронные штучки. Правда, были в этой беседе две небольшие странности, которые могли бы человеку заинтересованному сразу броситься в глаза...

Первая: собеседники явно не очень-то хотели, чтобы их увидел кто-либо из обитателей лагеря, и поэтому отошли на десяток метров в сторону от причала, под прикрытия буйных зарослей каких-то местных камышей. Вторая: для малограмотного рыбака, каким он обычно казался обитателям «академгородка», этот смуглый крепкий мужичок лет около сорока слишком бегло и правильно говорил по-английски, на котором вынужден был изъясняться и немец...

– Рыбу всю продал?

– Продал. Вас тут много, сколько ни поймай.... – Смуглый требовательно посмотрел на немца, явно намекая, что пришел сюда, в лагерь, отнюдь не для того, чтобы вести пустые разговоры о рыбной ловле и торговле. – Мистер Штайнберг, мне гораздо интереснее узнать, как ваши торговые дела? Вам-то есть что предложить покупателям добротного товара?

– Все в порядке, друг мой. – Петер неторопливо оглянулся, прислушался к звукам вокруг, ничего особенного, кроме легких всплесков воды, привычного шелеста камышей и пересвиста птичьих голосов, не услышал и лишь тогда протянул рыбаку маленькую пластмассовую коробочку. – Здесь флэшка со всей информацией. Правда, его компьютер был, естественно, на

пароле, но для меня это было даже забавно! Если что с машиной, он же сразу ко мне бежит – так что я его ноутбук лучше своего кошелька знаю. Да и защиту ему я ставил... В общем, можете не сомневаться, он действительно очень толковый ученый и времени здесь даром не терял!

– И вы уверяете, что он нашел что-то стоящее, так? – Смуглый небрежно запрятал флэшку куда-то в складки одежды. – Нам очень не хотелось бы ошибиться в вас, герр Петер... Надеюсь, вы понимаете, что с вами будет, если вы попытаетесь всучить нам тухлую рыбину?

– Но... Вы же понимаете, что я не вирусолог, не эпидемиолог, а всего лишь программист! Если судить по записям... Да вы сами все увидите! – В голосе компьютерщика явно слышались некоторая растерянность и страх – кто их знает, этих смуглорожих азиатов! Сегодня золотые горы сулят ласковыми голосами, а завтра глотку с милой улыбочкой перережут! Дикари...

– Не надо так волноваться, герр Штайнберг. – Рыбак как-то по-особенному неприятно и жестко усмехнулся краешком губ, затем достал из брезентовой, резко пахнувшей рыбой сумки небольшой сверток и протянул его немцу. – Мы вам верим. Это – первый аванс. Второй будет у вас, когда наши люди ознакомятся с содержимым флэшки. Ну а третий – когда настоящий товар будет у нас в руках! Все очень просто. Товар – деньги, а за малейшую попытку обмануть – пуля.

– И когда? – как-то не очень понятно спросил Штайнберг. Возможно, немец имел в виду деньги или что-то еще, а получалось, что он интересуется, когда его может настичнуть пуля за обман.

В ответ смуглый, невольно улыбаясь двусмысленности вопроса, зашелестел картой, разгладил лист на колене, жестким пальцем ткнул в синюю жилку реки и ответил еще более непонятно и загадочно:

– Если умному человеку очень нужен мед, он должен сначала выкурить пчел...

– А если вам попробовать прямо здесь?

– Чтобы сюда приперлись правительственные войска и перевернули всю округу вверх дном? Я, уважаемый, не спрашиваю у вас совета, как не спрашиваю, на что вы собираетесь потратить хорошие деньги, которые мы вам платим... Я понимаю, что вам нелегко и везде чуются опасности, но деньги-то... очень хорошие! Если вы помните, то еще Киплинг сказал, что бремя белого человека очень нелегкое! – Смуглый вновь обнажил отличные белые зубы в улыбке и неожиданно зло прищурился и пробормотал вполголоса: – Какого черта тут крутится этот мальчишка?! Еще не хватало, чтобы он нас подслушал... Эй, Али, кого ты там пытаешься поймать в камышах? Уж не рыбу ли с перьями, ха-ха! А ну, марш отсюда! Нехорошо слушать разговоры взрослых мужчин! – И уже другим тоном, почтительным и услужливым, добавил, обращаясь к немцу-компьютерщику: – В следующий раз я привезу такую рыбу, господин, какой вы со своими друзьями еще никогда не пробовали! Век будете благодарить старого рыбака!..

4

Как известно, для жителей Японии, Индии и стран Юго-Восточной Азии рис является примерно тем же, что хлеб и картошка для человека русского, а кукуруза – для большинства молдаван и еще многих народностей, где этот солнечный подарок из американских далеких краев вызревает до полной спелости. Рис – культура, конечно, невероятно полезная, но и столь же трудоемкая и влаголюбивая. Достаточно вспомнить, как те же вьетнамские крестьяне в своих соломенных круглых шляпах, бредя чуть ли не по колено в грязной воде, наклоняются и каждый росточек будущего риса высаживают в скрытую водой жидкую почву!

Так и поднимаются, и набирают силу зеленые стебли и колосья на залитых водой полях. Причем еще древние японцы сообразили, что можно полезное совместить с не менее полезным, и начали разводить в границах рисовых полей рыбку для стола. Так что и по сей день в рисовых краях нередко можно увидеть картину несуетливой рыбной ловли прямо среди созревающих зеленых колосьев...

Короткие южные сумерки быстренько сменила душная тропическая ночь, наполненная великим множеством запахов, треском миллиардов цикад, птичьими трелями на все лады и голоса и порой грозным рыком зверья, вышедшего на ночную охоту. Иногда в зарослях вдруг раздавался шум стремительной погони и чей-то яростный рев перекрывал своей мощью жалобные крики несчастной жертвы – вероятно, кому-то не повезло у водополя, а хищник заполучил свой ужин. Джунгли жили обычной ночной жизнью...

Обычной жизнью жила и большая дамба, перегородившая один из рукавов реки километрах в шести выше по течению от устья, где как раз и расположился уже известный нам поселок ученых из Красного Креста. Створки шлюзов пропускали положенное количество воды, а длинная мощная дамба сдерживала остальную огромную массу, создавая, таким образом, необходимый запас влаги для орошения полей в сухой период года. Как и всякое подобное серьезное гидротехническое сооружение, дамба круглосуточно охранялась очередной сменой вооруженных охранников. Правда, охранники мало напоминали храбрых молодцев из армейского спецназа – скорее это были полицейские на пенсии с седыми усами и довольно-таки заметными пивными животиками... Все шло как обычно: мирно шумела в узких шлюзах вода; заступила новая, ночная, смена охранников; почти на всем протяжении дамбы светилась россыпь желтоватых огоньков – это местные рыбаки вышли на ночную ловлю-охоту, пытаясь светом фонарей привлечь рыбку покрупнее...

Потрепанный джип, мягко подпрыгивая на ухабах, уверенно катил по грунтовке, мощными фарами выхватывая из густой темноты сочно-зеленые заросли и тучи разнокалиберной мошкары и бабочек всех цветов и размеров. Пару раз в свете фар заполошно метнулись какие-то неосторожные, потерявшие ориентировку ночные птицы... Джип, водитель которого еще за полкилометра до дамбы выключил фары, оставляя лишь неярые подфарники и противотуманки, почти неслышно урча двигателем, подъехал к самой кромке воды и затих. Погасли фонари, и вскоре из машины выбрались двое мужчин: один невысокий и крепкий, лет сорока, второй выглядел явно пожиже и помоложе, зато возвышался над своим напарником на добрых полголовы. Крепкий мужчина постарше, в котором нетрудно было узнать смуглого «рыбака», на днях имевшего несколько загадочную беседу с немцем из «академгородка», вытащил из автомобильного багажника несколько удочек и, небрежно забросив ловчую снасть в темную воду, закрепил удилища на воткнутых в мокрый песок рогульках. Причем «рыбак» даже не удосужился надеть на крючки какую-либо наживку.

Мужчина помоложе занялся совсем другим делом. То ли ночная рыбалка с удочками его не привлекала, то ли собирался он на какую-то другую охоту, но молодой сноровисто и, похоже, привычно облачился в черный прорезиненный костюм и надел почти плоский прямоугольник

акваланга. Довершили экипировку любителя ночного дайвинга маска, ласты и небольшой черный не то ящик, не то чемоданчик...

– Все проверил? Сработает? – озабоченно поинтересовался смуглый, наблюдая за тем, как аквалангист разворачивался спиной к реке, намереваясь войти в воду. – Смотри, головой отвечаешь! Держись ближе к берегу, пока не подплывешь к самой дамбе – а то на стремнине течением может снести шайтан знает куда...

– Знаю, не учи, – беззлобно огрызнулся пловец. – Я, между прочим, не только за жемчугом нырял... Я в армии почти полностью прошел подготовку боевых пловцов, понял?! Все, я пошел...

– Когда обратно поплывешь, ориентируйся на мой фонарь – я зеленоватый светофильтр поставлю! Да помогут тебе боги воды!

Аквалангист бесшумно скрылся под водой, а смуглый начал прохаживаться вдоль берега, стараясь не суетиться и настраиваясь на долгое ожидание. На бесполезные удочки и лениво качавшиеся на мелководье поплавки мужчина даже и не взглядывал, а вот на светящиеся стрелки наручных часов посматривал частенько. Ожидание – вещь неприятная не только для влюбленного юноши, сторающего от желания поскорее увидеть любимую; ожидание крепко действует на нервы даже умудренным опытом командирам, терпеливо ждущим возвращения с той стороны своих разведчиков или диверсантов...

...Пожилой охранник, шумно сопя и отдуваясь, осторожно спускался по ступенькам лестницы, которая вела к дощатому узкому помосту, тянувшемуся вдоль нижнего края дамбы почти от берега и до самых створок шлюзов. С другой стороны к шумному потоку, мчавшемуся через узкие коридоры шлюзов, тянулся точно такой же помост, но там уже чужая половина, там пусть отдувается другой охранник. И какого черта нужно каждую смену тащиться вниз-вверх?! Кто придумал эту дурацкую инструкцию?! Ладно бы, действительно, какой важный военный объект... Охранник подошел почти к самому краю помоста, перевел дух и пошарил лучом мощного фонаря по ярко засверкавшему миллиардами брызг стремительно несшемуся потоку. Вода как вода... Бежит, как ей и положено. Что это там такое, а? Что-то вроде мячика... Черт возьми, вот старый дурак – да откуда тут может взяться мячик?! Тогда что?.. Охранник медленно повел плечом, сдергивая потертую английскую винтовку, навалился животом на поручни, нависая над шумящим потоком, и еще раз посветил фонарем... И тут из воды стремительно взвилось показавшееся слишком длинным чье-то черное мокрое тело с огромным стеклянным глазом, взмахнуло рукой, и страшная боль пронзила шею, все тело и ослепительной вспышкой взорвалась в голове! Охранник на мгновение завис над ревущей водой и затем мягко перевалился через поручни. Винтовка и фонарь тоже достались жадному потоку... Аквалангист, слегка сожалея об утраченном таком отличном, тяжелом боевом ноже, вновь ушел под воду и занялся своим делом, ради которого, собственно, они со смуглым и приехали, соблюдая все меры предосторожности, к этому важному гидротехническому сооружению...

Прошло ровно сорок минут, и, несмотря на то что смуглый внимательно посматривал на темную гладь воды, лишь изредка поглядывая на стрелки часов, аквалангист вынырнул неподалеку от места «рыбалки», как это часто и бывает, все равно совершенно неожиданно. Торопливо, высоко поднимая ноги и неуклюже шлепая большими ластами, вышел из воды, так же быстро освободился от снаряжения и нырнул в темное нутро машины. Смуглый тем временем, не тратя времени на досужие расспросы, собрал удочки, забросил их в багажник к уже лежавшему там еще мокрому водолазному снаряжению, и через минуту на берегу остались лишь ребристые следы от широких шин умчавшегося джипа и сиротливо торчавшие из песка рогульки...

Своего товарища охранники из ночной смены хватились лишь спустя час, еще минут двадцать ушло на неторопливые поиски, которые и прервал внезапный мощный взрыв, в щепки разнесший створки одного из шлюзов, после чего на раскинувшуюся ниже по течению равнину

хлынула ничем не сдерживаемая и не регулируемая, все сметавшая на своем пути масса воды из огромного водохранилища...

Охрана дамбы и с похвальной быстротой прибывший по тревоге дежурный персонал немедленно связались с полицией и службами спасения – необходимо было в кратчайшие сроки оповестить власти и жителей района, которому грозило быстрое затопление, и организовать незамедлительную эвакуацию и спасение тех, кого еще можно было спасти...

Ровно через десять минут после взрыва уровень воды в реке, на берегах которой располагился «академгородок», начал стремительно подниматься, и вскоре поселок погрузился в воду почти по самые окна домов, а вода все прибывала и прибывала...

5

Еще на заре человечества наши предки познакомились с малоприятными вещами вроде ураганов, наводнений и страшных лесных пожаров. История знает и библейский Всемирный потоп, и огненный ужас извержения Везувия, подсказавший К. Брюллову сюжет его знаменитой картины «Последний день Помпеи». Много позднее в холодных водах Атлантики огромный океанский лайнер, считавшийся непотопляемым, именованный современниками чудом, недостижимой вершиной инженерного гения и кораблестроения, самым вульгарным образом столкнулся с равнодушным айсбергом и затонул, унеся в мрачные океанские глубины сотни человеческих жизней... Когда люди попадают в подобные ситуации, с большинством из них случаются, как правило, две очень неприятные вещи: кто-то впадает в ступор и не делает для своего спасения ничего; других охватывает жуткая паника, когда животный инстинкт самосохранения забывает все другие человеческие чувства и подвергнувшийся опасности превращается в охваченное ужасом безумное животное, сметающее все и вся на своем пути к волеизъявленному спасению и делающее порой даже слишком много такого, что совсем не делает чести человеку, считающему себя цивилизованным... Например, часто во время гибели судна здоровые и вроде бы до этих пор нормальные мужики рвутся к спасательным шлюпкам и плотикам напролом, идут буквально по головам всех более слабых, яростно отталкивая даже женщин и детей... Вероятно, в такие минуты здравый смысл и все человеческие добродетели вдруг остро осознают свою безнадежную слабость, растерянно разводят руками и забиваются в какой-нибудь укромный уголок, бормоча себе под нос что-нибудь вроде: «Да делайте вы что хотите!» Как говорится, не дай вам бог испытать или увидеть нечто подобное и да минует нас чаша сия...

...Научная экспедиция получила предупреждение о катастрофе как раз в те минуты, когда вода уже подобралась к окнам и хлынула поверх подоконников. Спасать что-либо из научного оборудования не было ни смысла, ни возможности – тонкая электроника сырости не переносит. Оставалось попытаться спасти людей и хотя бы минимум из результатов, достигнутых долгой научной работой...

Ракитин прекрасно понимал, что бежать людям куда-то на «высокую горку» нет ни малейшего смысла, поскольку ни одной сколько-нибудь заметной возвышенности в округе просто не было. Оставалось лишь одно средство спасения: небольшое судно, по счастливой случайности еще не оторванное от причала, уже давно скрытого все прибывающей водой...

– Кого еще нет? – Ракитин напряженным взглядом всмотрелся в троих мужчин, торпившихся к суденышку, передвигавшихся почти по грудь в воде неуклюжими рывками, энергично помогая себе раскинутыми руками. Профессор быстро пробежал пальцем по клавишам мобильного, пытаясь дозвониться до местной службы спасения, но, послушав мертво молчащий аппарат, досадливо сплюнул: – Ну все, как у нас в России-матушке – ни черта не работает! Вышку смыло, что ли? Петер, ну слава богу, вы целы! Что с остальными, не видели? На борту не хватает еще шестерых...

Штайнберг, шумно отдуваясь, вместе с товарищами забрался на борт судна и, едва переводя дух не то от усталости, не то от пережитого потрясения, с расстановкой выговорил:

– Я не так много и видел... Ночь, крики, эта ужасная вода... На моих глазах два домика-бунгало подхватило течением и унесло. Там, по-моему, были индусы и японцы... Точно не знаю... Боже, все, все погибло... Документы, вещи, деньги – все там...

– Ну, положим, не все, – сочувственно глядя на немца, сказал Ракитин. – Кое-что мне все-таки удалось вынести из лаборатории – несколько пробирок, например... А вот мой ноутбук, боюсь, пропал, а с ним и почти все материалы исследований... Будь неладна эта вода! Поселка

нет, оборудование погребено, так что, боюсь, и всей нашей научной экспедиции теперь канты! «Прошу шановних пановей чиликаты до дому, до хаты»...

– Да черт с ними, со всеми вашими материалами! – Татьяна устало провела по мокрому лицу ладонью с мелко дрожащими пальцами. – Люди, наверное, погибли... Кстати, никто не видел Али, а? Ведь он крутился где-то тут, вроде бы вместе со всеми к причалу бежал... Али!!!

– Вы напрасно так переживаете, госпожа Северцева, – раздался за спиной Татьяны спокойный голос шведа Густавсона. – Вон он, по-моему, чешет вприпрыжку, что ваш кузнечик, да еще какое-то барахло тащит... Этого мальчишку, я думаю, не так-то и просто утопить...

Татьяна, просветлев лицом, бросилась к борту и помогла счастливо улыбавшемуся Али взобраться на палубу. Еще через минуту стала понятной и причина, по которой так радостно и победно улыбался мальчик: в руках Али оказалось не какое-то неведомое «барахло», как насмешливо заметил мистер Олаф, а завернутый в водонепроницаемую лабораторную клеенку ноутбук Ракитина! Али, сверкая черными глазами, торжественно протянул сверток профессору, и русский доктор, торопливо осмотрев агрегат, довольно-таки крепко стукнул подростка по плечу и произнес малопонятную фразу: «Ну, ты, Али, молоток! Прямо-таки пионер-герой! Медаль по тебе плачет – «За спасение утопающих»...» При чем тут «молоток» и кто там «плачет», Али так и не понял, но что русский профессор похвалил спасителя его «электронной книги», а госпожа Северцева смотрела на него как-то очень хорошо, почти как на настоящего мужчину, – все это было несомненно и вселяло вполне законную гордость в душу мальчишки...

Последним на борт судна поднялся капитан, маленький худой индонезиец в беловерхой капитанке с большущим «крабом», на крохотной резиновой лодке объезжавший с матросом из местных затопленный поселок. На вопросительный взгляд Ракитина капитан молча отрицательно покачал головой.

– В поселке никого не осталось, мы все проверили... Скольких людей нет? Пятерых? Ну что ж, остается надеяться, что они живы и им как-то помогут службы спасения или ребята из береговой охраны... Я обязан в первую очередь позаботиться об уцелевших – поисками займутся те, кому это положено!

– Герр капитан, судно начинает крениться, – вновь подал голос швед, в роду у которого, несомненно, все-таки были brave мореходы. – Надо срочно обрубить швартовы, не то они лопнут и могут кого-то пришибить концом, а то и перевернут наш крейсер...

Натянувшиеся до звона веревки, которые капитан называл смешными словами «конец» или «шкертик», были немедленно перерублены с соответствующими предосторожностями, люди распределены по каютам и кубрикам, и судно, на носу которого кроме обычного регистрационного номера красовалась надпись «Орион», дробно-деловито застучав дизелем-машиной, взяло курс на Сингапур, в котором расположилась ближайшая миссия Красного Креста и Красного Полумесяца. Путешествие обещало быть недолгим и совсем не опасным, поскольку капитан неоднократно повторял, что он знает местный участок Малаккского пролива, усеянный превеликим множеством островов, гораздо лучше своего кошелька, в котором, по его словам, никогда не бывало больше двух бумажек и пяти монеток...

Али очень деятельно помогал русскому профессору и белой госпоже пристраивать спасенные из лаборатории материалы, какие-то коробки с бумагами и мелкими приборами. В обычный маленький холодильник для хранения продуктов профессор лично со всеми предосторожностями определил закрытый контейнер и не забыл повторить свое обычное «заклинание»: «К холодильнику никому не прикасаться!» Али эта строгость даже позабавила, а вот немец с невыговариваемой фамилией Штайнберг при этих словах русского почему-то нахмурился, и в глазах его мелькало что-то очень нехорошее – уж это-то Али заметил точно! Они все думают, что Али ничего не понимает и ничего не замечает! Как бы не так! Этот немец Али не понравился с первых же дней, а потом ведь еще были какие-то странные разговоры этого Штайнберга с тем рыбаком... Наверняка немец как-то обворовывал своих товарищей и кра-

деное продавал рыбаку! Но разве станет кто выслушивать подозрения какого-то мальчишки? Уже то хорошо, что не бросили, взяли с собой! Что там с родной деревней, что с родителями... это один Аллах ведает. Ладно, решил про себя мальчонка, побываем в самом Сингапуре, а потом вода уйдет и... там, в общем, будет видно... Может быть, все и обойдется.

По неведомой иронии судьбы, суденышко с уцелевшими обитателями научного городка неспешно продвигалось на юго-восток в те же самые часы, когда русский боевой эсминец так же неторопливо шел курсом на северо-запад...

6

Территориальные воды Малайзии

северо-западнее Сингапура

Тропическая ночь опустилась на пролив, и, словно по мановению полосатого жезла невидимого регулировщика, движение судов в архипелаге, среди путаницы островов и островков, разделенных бесчисленными рукавами и протоками, замерло до утра. Суда всех величин и разновидностей приткнулись поближе к берегам островов и, бросив якоря, потушили на мачтах ходовые огни и зажгли стояночные, почему-то очень напоминая выстроившиеся на обочинах ночных трасс легковушки и могучие трейлеры с выставленными на дороге треугольными знаками аварийной остановки. Чернота ночи, неправдоподобно яркие звезды в необъятном небе, мерный плеск волн о борта кораблей и берега, крики птиц в зарослях на островах и обычная вязкая, влажная духота...

В темной морской глубине осторожно продвигалась, распугивая стаи полусонных рыбок всех цветов и размеров, небольшая подводная лодка класса «Тритон» – судно из семейства мини-субмарин. Самая обычная подлодка, произведенная на судовой верфи ФРГ еще в середине восьмидесятых, мерно молотила винтами черную воду и плавно пошевеливала рулями глубины, без спешки и суеты продвигаясь к одной ей ведомой цели. Вот разве что экипаж субмарины как-то очень мало напоминал классических военных моряков-подводников с их формой, дисциплиной и строгим флотским порядком... Наиболее уместным определением для этой команды, состоявшей преимущественно из смуглых и черноволосых людей, обряженных в майки, шорты и прочее самое обычное гражданское тряпье, было бы слово «сброд». С военными весь этот сброд роднили разве что пистолеты, у одних просто засунутые за пояс, у других – покоившиеся в кобурах, да несколько автоматов и пулемет, составленные в некое подобии армейской пирамиды у одной из стальных переборок... Отсутствие настоящей единой формы и некая разболтанность разномастного экипажа объяснялись очень просто: субмарина принадлежала малайзийским пиратам...

Американский обыватель, узнав, что у каких-то там чумазных пиратов есть не только быстросходные катера, но и подводная лодка, сначала удивленно поднял бы брови, а потом категорически заявил бы: «Этого не может быть! Сказки бессовестных репортеров из желтых газеток!» Обыватель русский, очень хорошо знающий, что на самом обычном рынке вроде какой-нибудь «Лужи» при желании можно купить все, что угодно, от простеньких гранат и пистолета Макарова до автоматов-пулеметов и далее насколько денег и фантазии хватит... русский человек не удивится ничему. «Пираты купили у одного из африканских тоталитарных режимов военную мини-субмарину за очень приличную сумму, уплаченную почти официально, и за солидную взятку, переданную неким чином из ВМФ без лишнего шума... Ну, купили и купили, и что? Подумаешь, подводная лодка класса «мелочь пузатая»! Вон, наши дядьки с большими звездами и животами в девяностых чуть ли не танковыми дивизиями торговали – вот это размах, вот это по-нашему! Наши братки с автоматами в джипах разъезжали, а пираты в Малайзии на подводных лодках рассекают – все нормально, у них же там вода кругом, моря-океаны...

...Слово «пираты» вызывает у современного читателя довольно расплывчатые ассоциации, в которых герои, выдуманные Стивенсоном и Сабатини, самым причудливым образом смешиваются с реально существовавшими Джоном Морганом и Фрэнсисом Дрейком, где

носятся по волнам быстрые парусники, окутанные белым дымом пушечных выстрелов и берущие друг друга на бордаж. Сразу вспоминаются романтические красоты экзотических островов с манящими названиями, Порт-Ройял, ямайский ром, портовые таверны с веселыми и гибкими мулатками и, конечно же, сундуки со звонкими пиастрами и сверкающими драгоценностями... Только вот реальные, настоящие пираты всех времен и народов никак не похожи на благородного и утонченного капитана Блада и ему подобных «джентльменов удачи», придуманных писателями для развлечения скучающего обывателя, всегда с интересом листавшего книжки про благородных разбойников, грабивших богатых. Пираты всегда были и навсегда останутся самым обычным уголовным сбродом, грязной шайкой самых мерзких грабителей и убийц, и нет никакой разницы между флибустьерами, некогда державшими в страхе все страны в районе Карибского моря, и какими-нибудь малайзийскими или сомалийскими пиратами. Пусть одни ходили по морям-океанам на грязных, пропитанных смолой и кровью парусниках и размахивали огромными кремневыми пистолетами и бордажными саблями, а другие носятся по волнам на суперсовременных судах с мощными моторами и палят по своим жертвам из автоматов Калашникова, винтовок «М-16», пулеметов и гранатометов – несмотря на то что их разделяет пара-тройка сотен лет, все они до смешного одинаковы! Они жестоки, как одичавшие бродячие собаки, им абсолютно наплевать на чужую жизнь, и они легко идут на любое, пусть даже самое бессмысленное и кровавое преступление ради очень простой и ясной животной цели: вкусно жрать, пьяно-сладко пить, мягко спать – и все это за чужой счет! И нет там никакой романтики! И нет способа борьбы с этой уголовной сволочью надежнее, чем был придуман во времена Моргана и Дрейка: вор и пират должен быть пойман и повешен! С бешеными волками не ведут переговоров и не платят им отступного – их отстреливают...

– Босс, есть маяк! – Акустик прижал поплотнее левый наушник и ткнул пальцем в монитор навигатора, где среди паутинки координатной сетки мерно пульсировала красная точка.

– Сколько до них? – Командир пиратской субмарины, полноватый мужчина с заплывшими монголоидными глазками, в мешковатых джинсах и не очень свежей, некогда белой майке, сдернул с головы бейсболку с какой-то морской эмблемой, вытер мокрый лоб и навис над плечом акустика, с любопытством вглядываясь в мерцающий сигнал маячка.

– Около пяти кабельтовых... По-моему, они стоят на якоре – как и все, ждут рассвета...

– Отлично, пусть ждут... – Командир включил переговорное устройство и скомандовал невидимым механикам: – Машина, самый малый! Рулевой, подвсплываем на перископную глубину! Сейчас удостоверимся, наши ли это клиенты...

– Да нечего там и рассматривать, Ахмад, – подал голос сидевший в сторонке крепкий мужчина, в котором без труда можно было узнать «рыбака», не так давно беседовавшего с немцем в «академгородке». – Я сам, лично поставил на их посудину маяк! Или ты уже и мне, своему старому другу Фаруку Бамбангу, не веришь?!

– Вообще-то, я никому и никогда не верю, – не отрываясь от перископа, усмехнулся командир субмарины, – может быть, поэтому и жив до сих пор? Не сердись, дружище Фарук, конечно же, я тебе верю. Иначе бы ты уже давно крабов и рыбок кормил своим жилистым старым мясом... Ага, вот они, синдбады-мореходы... Наш «Орион» да еще с десятков всякой мелюзги пузатой... Много народу – много свидетелей. А нам-то они как раз и ни к чему.

Ахмад вернулся к переговорному устройству, скомандовал погружение и малый назад и небрежно поинтересовался у «рыбака»:

– Что там с твоим немцем?

– С немцем все в порядке, – засмеялся Фарук и хлопнул ладонью по колену. – Обожаю предателей! Так забавно наблюдать, как остатки порядочности борются в них с жадностью, завистью и подлостью... И ты знаешь, уважаемый Ахмад, что самое печальное? Почему-то именно порядочность всегда проигрывает! Вот беда-то... В общем, я узнавал. Информацию на флэшке посмотрели знающие люди, и вроде бы все сходится!

– А вдруг немец врет и просто тянет из нас деньги?

– Ахмад, ты, видимо, не расслышал... Специалисты подтвердили, что он не врет. Я дал ему денег, пообещал вторую часть... Он хочет, чтобы мы после всего доставили его в Сингапур.

– Всего-то? – ядовито хмыкнул командир. – А в вольный город Гамбург он подбросить не просил? Или уж прямо в Аргентину? Впрочем, можешь обещать ему даже Аргентину, а там видно будет. Он, видите ли, хочет... свинья продажная...

Ахмад пошелестел атласом морских лоций, что-то там просмотрел и небрежно оттолкнул «путеводитель по опасным водам» на край столика: скорее всего, все удобные фарватеры и все опасные места этих вод командир пиратского судна и без всяких лоций знал наизусть.

– Можно было бы взять их и сегодня. Но мы спешить не станем, подождем, когда они в более малолюдном местечке окажутся! А, Фарук? Что скажешь, советник?

– Это верно. – Фарук чуть насмешливо посмотрел на капитана. – Я где-то читал, что у русских очень много мудрых присказок чуть ли не на все случаи жизни. Так вот, одна из них гласит: «Если будешь торопиться в важном деле – все испортишь и над тобой будут смеяться люди!» Нам не нужно торопиться, нам нужно сделать наше дело...

– Наше дело, не нужно торопиться... – вдруг непонятно отчего разозлился Ахмад и раздраженно посмотрел на собеседника. – Слушай, брат, а к чему вообще такие сложности, а?! Дамба эта, потоп дурацкий, немец-шпион... Почему нельзя было просто выкрасть этого русского умника со всеми его пробирками, а остальным без всяких затей перерезать глотки?!

– Уважаемый господин капитан. – Фарук вспомнил, как немец недавно уже спрашивал его о чем-то подобном, и устало вздохнул – о великий Аллах, ну до каких пор всем этим недоумкам придется объяснять, казалось бы, совершенно очевидные вещи?! – Нам ни к чему ссориться с Красным Крестом, у нашей страны и так не очень-то хорошая международная репутация. Опять же, гуманитарная помощь и прочие вещи...

– Ты... беспокоишься о репутации нашей страны?! – На круглом лице командира отразилось неподдельное изумление.

– Да плевать я хотел на ее репутацию! Я беспокоюсь прежде всего о наших шкурах! Ну вырезали бы мы это научное гнездо, и что дальше?! Приперлись бы всякие комиссии, войска и, вполне возможно, на этот раз достали бы нас и перестреляли как глупых баранов! А я не хочу быть глупым бараном с пулей в башке – жить мне пока не надоело!

– Ты мудр, Фарук... – немного помолчав, подытожил Ахмад. – Ты прав, уважаемый: мне тоже пока совсем не хочется быть мертвым бараном.

7

Огромное дымчато-золотое солнце ненадолго зависло над темно-резной кромкой джунглей, высившихся над очередным островом, у берегов которого «Орион» встал на последнюю ночевку перед уже недалеким Сингапуром и, казалось, именно в эти заросли и завалилось спать до утра. Стемнело по-южному быстро, и вновь на черном небе засверкала, загадочно подмигивая, густая разноцветная россыпь разнокалиберных звезд, среди которых огромными бриллиантами горделиво посверкивал знаменитый Южный Крест.

Ракитин, небрежно опираясь о невысокое ограждение, стоял у борта судна, скупо освещенного стояночными огнями, и молча курил, рассеянно наблюдая, как невесомый пепел от сигареты срывается и улетает в темневшую внизу воду. Рядом так же молча скучала Северцева, старательно делая вид, что любуется красотами ночного неба. Чуть в стороне матрос занимался какой-то уборкой на палубе, что-то мыл, чистил, а расторопный Али, решительно не умевший скучать и сидеть без дела, ему помогал.

– Интересно, сколько можно драить эту чертову палубу? – неожиданно подал голос профессор, прикуривая очередную сигарету. – Прямо как в хирургии какой...

– Эдуард Викторович, что вы злитесь? – невидимо улыбнулась в полутьме Татьяна. – Люди всего лишь делают свою работу. А вот что теперь с нашей работой будет... Как вы-то думаете?

– Да бес ее знает... – раздраженно буркнул Ракитин. – Городок смыло, а большие боссы из Красного Креста вряд ли захотят начинать все сызнова. А жаль – мы уже прошли большую часть пути, дрянь эту новую изучили, начали работать над вакциной... Может быть, они позволят нам еще поработать в какой-нибудь прилично оборудованной «конторе». Тогда в принципе вскоре можно было бы думать и о клинических испытаниях новой вакцины, а через годок – о ее массовом производстве...

– Да, дорогой профессор, оспу, чуму, холеру и малярию, можно сказать, победили, а природа нам подбрасывает все новые и новые «сюрпризы»! – Северцева кивнула в сторону бряцавшего жестяным ведром Али: – А может, уже его поколение избавится от всех болезней, наводящих сегодня на людей страх?

– А вот это вряд ли! Думаю, болезни вместе с человечеством родились, с ним же и помрут, и никак иначе... – Ракитин вдруг явно принужденно засмеялся и воскликнул фальшиво-бодрым голосом: – Танечка, ну о чем мы с вами говорим?! Смотрите, ночь-то какая! Как там Фима Шифрин пел: «Эта южная но-очь...»

– Шифрин наверняка пел о ночи какой-нибудь нашей, вроде черноморской, а уж никак не об этой экваториальной парилке... Слушайте, Ракитин, по-моему, гарью откуда-то тянет. Мы не горим, случайно?

– Да вроде бы нет, но дымком точно пахнет. Али, как ты думаешь, откуда дым?

– Здесь часто заросли горят, – солидно пояснил мальчонка и, подумав, добавил: – А иногда, говорят, джунгли или сухой камыш пираты поджигают специально, чтобы незаметно к кораблям подбираться...

– Пира-аты?! – насмешливо протянул доктор и решительно объявил: – Тогда, уважаемая госпожа ассистент, я просто вынужден приказать вам идти в свою каюту и закрыться на все замки и задвижки! И сам пойду! Пираты – это, брат, серьезно. Идемте, Таня...

Али проводил русских сумрачным взглядом и встревоженно заговорил с матросом на одном из местных индонезийских наречий. Если бы Ракитин мог слышать и понимать разговор мальчика с морским волком, он услышал бы примерно следующее:

– Этот русский доктор иногда умнее самого муллы, а иногда беззаботнее и глупее маленького ребенка! Вон, все дымом заволакивает... Думаю, надо обязательно доложить капитану!

– Да, дым... – согласно покивал матрос и важно заявил: – Я сам пойду к господину капитану и скажу ему, что где-то рядом горит чаща! А уж господин капитан знает, что делать.

Минут через пять «господин капитан, который знал, что делать», вышел на палубу и с беспокойством осмотрелся по сторонам, напряженно прислушиваясь и напрасно пытаясь хоть что-то разглядеть сквозь все больше сгущавшуюся завесу едкого дыма. Затем достал из кобуры, прятанной под полой потрепанного форменного френча, длинноствольный «кольт», проверил обойму, дослал патрон в ствол и поставил пистолет на предохранитель. После этих боевых манипуляций капитан посмотрел на свой «кольт» с явным сомнением, раздраженно сплюнул и, сквозь зубы бормоча себе под нос какие-то ругательства, вновь скрылся за обманчиво надежными переборками своего судна. Правда, перед уходом не забыл буркнуть вахтенному матросу, чтобы тот «посматривал тут...». Однако как добросовестный вахтенный ни напрягал зрение, в дыму он так ничего и не увидел. Он услышал...

Певучий рокот двух или трех мощных подвесных моторов ударил по ушам матроса как-то сразу и неожиданно, словно лодки, или что там, скрытое темнотой и дымом, приближалось к судну, сначала бесшумно шли на веслах, а моторы взревели лишь в непосредственной близости от «Ориона». Одновременно с ревом двигателей с нескольких – вахтенный так и не смог определить, сколько же их? – резиновых лодок ударил нестерпимо яркий голубоватый свет прожекторов. В этом призрачном свете, в котором причудливо клубились мутные облака дыма, взлетели две красные ракеты, добавляя в жутковатую картину и вовсе какие-то огненные, адские оттенки. Лодки еще разок взревели моторами, заложили крутой вираж, и две из них, выполняя, видимо, привычный, не раз отработанный маневр, приткнулись к правому и левому бортам «Ориона». Третья, покачиваясь чуть в отдалении, видимо, страховала две первые, и с ее борта поверх палубных надстроек резко и гулко ударил пулемет. Одновременно с пулеметной очередью с лодок, прижавшихся к бортам «Ориона», полетели абордажные крюки и по веревкам с удивительной быстротой и ловкостью начали карабкаться и перепрыгивать на палубу несчастного судна полуголые смуглые люди с оружием... Рукопашный бой в ограниченном пространстве – дело очень непростое, жуткое и кровавое. Армейских спецназовцев или бойцов из антитеррористических групп вроде известных «Вымпела» и «Альфы» учат этому долго и всерьез. Но между матерыми волками из спецназа и простыми полуграмотными матросами дистанция огромного размера...

Пираты под командованием полноватого мужчины в бейсболке рассыпались по палубе «Ориона». Первой жертвой стал вахтенный матрос, бросившийся к одному из пиратов с каким-то железным ломиком: нападавший даже и не думал вступать в какую-то там схватку, а просто срезал моряка короткой очередью из автомата. Подобной же участи подверглись еще двое матросов из небольшой команды, пытавшиеся оказать хоть какое-то сопротивление. Пираты, подгоняемые своим предводителем, рванулись внутрь корабля, сметая огнем и штыком всех, кто попадался им на пути к неведомой цели. Хотя уже в первые минуты захвата выяснилось, что же интересует пиратов в первую очередь! Предводитель абордажной группы, размахивая пистолетом, зычно выкрикнул: «Команду мочите, но ни одного из белых не трогать!» Визг, стрельба, шум драки, чьи-то стоны и предсмертные жутковатые крики среди подсвеченных яркими лучами прожекторов клубов дыма – все это стихло уже минут через пять... Только в стороне ходовой рубки еще раздавались редкие выстрелы: в то время, когда капитан пытался отстреливаться из своего «кольта», радист открытым текстом торопливо передавал в эфир сигнал «SOS», в отчаянной надежде, что хоть кто-то услышит и, может быть, придет на помощь! Еще через десять минут пираты все-таки взломали дверь рубки и в упор расстреляли капитана и радиста, исполнивших свой долг до конца...

Небольшую группу ученых, среди которых особо выделялись русский профессор, его помощница и светлородый швед Олаф Густавсон, выгнали из кают на палубу, и люди сто-

яли под прицелами направленных на них автоматов молчаливой и мрачно-перепуганной гурьбой.

– Добрый вечер, господа! – лучезарно улыбнулся Ахмад, в издевательском поклоне приподнимая над головой свою бейсболку. – Вижу, вы не очень-то рады гостям. Но что поделаешь, кое-кто из вас нам очень нужен...

Неведомо откуда вынырнувший «рыбак» Фарук молча указал пиратам на русского доктора, на его ассистентку и, после некоторого раздумья, на немца, настойчиво пытавшегося поймать равнодушный взгляд «рыбака» и незаметно посылавшего своему «куратору» какие-то непонятные знаки. Троицу живо отделили от остальных и довольно бесцеремонно отвели к противоположному борту судна. Фарук о чем-то коротко спросил одного из пиратов, тот кивнул и показал рукой на бережно уложенные на палубе вещи русского доктора, а затем передал «рыбаку» целехонький ноутбук, который до этого момента он держал, прижимая ценный трофей к груди.

– Отлично, несите все это в лодку! И, смотрите, осторожнее! – Распорядившись насчет «трофеев», Фарук наконец-то обратил свой взор и на немца, нетерпеливо и в то же время опасно поглядывавшего на пиратов и их мордатого предводителя, по сравнению с которыми «рыбак» казался ему таким понятным и почти своим. – Ну что, дружок, я тобой доволен... Ты большой молодец! Вещи собрал? Ничего не забыл?

В ответ Штайнберг показал вместительную сумку и небольшой кейс, которым не без намека слегка качнул и для пушей убедительности добавил:

– Да какие вещи! Пара рубашек и почти пустой «дипломат». Дружище, я выполнил все, что обещал! Все у вас в руках. Надо бы... ну, вы же меня понимаете! И еще одна совсем небольшая просьба: я ведь договаривался с вами насчет Сингапура...

– Да, я все помню. – Фарук посмотрел на предателя долгим задумчивым взглядом, от которого Штайнбергу вдруг стало очень неуютно, а в душе холодно ворохнулось предчувствие чего-то нехорошего. – Извини, брат, мне сейчас не до Сингапура.

«Рыбак» быстро поднял руку с пистолетом и нажал на спусковой крючок. Во лбу немца появилась вроде бы совершенно безобидная черно-красная дырочка, на лице застыло чуть удивленное и испуганное выражение, которое так и не изменилось даже тогда, когда мертвый Штайнберг рухнул на затоптанные во время скоротечной схватки доски палубы, во многих местах забрызганные темными пятнами крови...

– Шакалы! – вдруг совершенно отчетливо послышалось в повисшей на секунду-другую тишине. Ракитин молча покосился на Густавсона, который с презрительной усмешкой смотрел на пиратов и, заметив легкое удивление на круглом лице главаря, явно услышавшего оскорбление, вновь с ненавистью отчетливо повторил: – Грязные, вонючие шакалы!

Ахмад медленно подошел к пленникам и с насмешливым удивлением посмотрел на шведа.

– Ты очень смелый или очень глупый, а?

– Нетрудно быть смелым, когда за твоей спиной шайка головорезов, а в руке пушка. Ты бы меня попробовал скрутить один на один! Да я бы тебя...

– Наверное, все-таки смелый... – сделал вывод толстяк и неожиданно передал свой пистолет одному из ухмылявшихся пиратов. Затем отошел на несколько шагов, знаком приказав своим подручным освободить небольшой пяточок на палубе, и призывно махнул рукой шведу. Тот не заставил себя упрашивать и, принимая боксерскую стойку, двинулся на противника.

Густавсон нанес несколько мощных прямых ударов, от которых пирату, вероятно, очень не поздоровилось бы, если бы они достигли цели. Однако Ахмад, казавшийся таким неповоротливым и обрюзгшим толстячком, на поверку оказался довольно-таки быстрым и умелым бойцом. Ракитин, мало разбиравшийся в таких вещах, так и не понял, каким видом борьбы владел главарь пиратов: это было похоже на кунг-фу из гонконгских фильмов, а может быть,

это было и что-нибудь вроде местного «тайского бокса», но руками и ногами Ахмад махал очень быстро и ловко. В считанные мгновения он нанес шведу несколько сильных, едва уловимых взглядом ударов, а затем, поднырнув под руку противника, напрасно пытавшегося хотя бы разок достать его кулаком, резко и мощно ударил под ложечку, в солнечное сплетение. Густавсон словно переломился пополам и, задыхаясь, безуспешно пытался схватить воздуха, когда Ахмад с резким выкриком нанес противнику страшный добивающий удар ногой в голову... Когда поверженный Густавсон упал, бандиты, с интересом наблюдавшие за схваткой, одобрителем загоготали, а кое-кто даже захолопал, приветствуя безоговорочную победу своего командира. Ахмад же молча взял из рук хранителя свой пистолет и как-то очень буднично, деловито дважды выстрелил в лежавшего без сознания шведа, на что Фарук недовольно проворчал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.